

Дмитрий МИХАЙЛОВ

РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОДХОДЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

На протяжении нескольких десятилетий обсуждаются вопросы природы интеллектуалов как социального явления, их функций, отношений с властью, их ответственность перед обществом. Утвердившаяся в национализме-дени конструктивистская парадигма сделала проблему интеллектуалов одной из ключевых, ее не обошел стороной ни один из крупных теоретиков. На особенности видения места и роли интеллектуалов в национальном процессе накладывают область интересов исследователя, его научный профиль, методологические особенности подхода, понимание самого феномена интеллектуалов, конкретный эмпирический материал. Внутри проблемы можно выделить четыре междисциплинарных исследовательских площадки. Во-первых, интеллектуалы — изобретатели концепта «нация». Во-вторых, интеллектуалы — авторы национальных политических проектов. В-третьих, колониальная национальная интеллигенция. В-четвертых, интеллектуалы как социальная группа, обеспечивающая повседневное воспроизводство национальной идеи.

Ключевые слова: интеллектуалы, интеллигенция, национализм, нация

Проблема роли интеллектуалов¹ в социально-политических процессах занимает заметное место в обществоведении второй половины XX в. На протяжении нескольких десятилетий обсуждаются вопросы природы интеллектуалов как социального явления, их функций, отношений с властью, их ответственность перед обществом. Роль интеллектуалов обуславливается потребностью государств Нового времени обеспечивать господство и осуществлять управление с помощью гибкой идеологической политики, изощренной риторики и рационального расчета.

Методологическим фундаментом для изучения интеллектуалов служат, с одной стороны, формулировка К. Марксом проблем общественного сознания и идеологии, с другой — понимание М. Вебером

¹ В различных научных традициях для обозначения социальной группы, формирующей новое знание, используются разные понятия. Если «интеллектуалы», как правило, понимаются функционально, в этом смысле к нему близко понятие «представители свободных (либеральных) профессий» (*free professionals*), то понятие «интеллигенция» содержит морально-этические коннотации. В данной статье, если авторы описываемых подходов не делают специальных оговорок, эти понятия используются как синонимы.

роли знания в социальном процессе. В первой половине XX в. значительный вклад в разработку проблемы внесли Ж. Бенда, А. Грамши и К. Манхейм².

Бенда понимал интеллектуалов как самостоятельный класс, который от имени справедливости и разума призывает сообщества к уважению ценностей, трансцендентных по отношению к их интересам (классовым, расовым или национальным)³. Грамши считал, что интеллектуалы являются продуктом каждого класса, который в определенный момент испытывает потребность в формулировке своей идеологии: «в рамках грамшианской концепции гегемонии интеллектуалы играют роль „приказчиков” и „организаторов” господствующей социальной группы, решающих задачи обеспечения социальной гегемонии и политического управления. Они действуют как через государственные институты, так и через „частные институты” гражданского общества»⁴. Манхейм связывал общественно-политические функции интеллектуалов с их маргинальным положением — не над обществом, а между классами, в «относительно свободно парящем» (выражение А. Вебера). Не имея твердых социальных корней, интеллектуалы образуют особую категорию, которая формирует и формулирует различные точки зрения, дает критический взгляд на явления⁵. Деятельность интеллектуалов имеет принципиальное значение в процессе преодоления идеологии. Манхейм использует понятие «динамического реляционизма», отражающее ситуацию, когда «ищущий индивид воспринял все важнейшие ряды мотиваций, которые обрели историкосоциальное значение и характеризуют в своей реальной противоречивости современное положение»⁶.

В своих исследованиях на Манхейма ссылаются теоретики социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман. В центре их внимания находится диалектическая взаимосвязь между тремя принципиальными моментами социального мира: общество — человеческий продукт; общество — объективная реальность; человек — социальный продукт. «Важно подчеркнуть, — пишут Бергман и Лукман, — что взаимосвязь между человеком-создателем и социальным миром — его продуктом является диалектической и будет оставаться таковой. То есть человек (конечно, не в изоляции, но в своей общности) и его социальный мир взаимодействуют друг с другом. Продукт оказывает обратное воздействие на производителя»⁷. В связи с этим происходит смещение предмета исследования и возникает необходимость «передвинуть вопросы об исторически наличных концептуализациях реальности с абстрактного „что?” к социологически конкретному „кто говорит?”»⁸.

² См.: Kurzman Ch. Owens L. The sociology of intellectuals // Annual Review of Sociology. 2002. N 28. P. 64.

³ См.: Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. С. 72.

⁴ Дмитриев Т. Антонио Грамши / Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 211.

⁵ См.: Куренной В. Карл Манхейм / Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 232–233.

⁶ Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 86.

⁷ Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 102.

⁸ Там же. С. 190.

После Второй мировой войны левые и правые интеллектуалы Европы поставили вопрос об *ответственности интеллектуалов перед миром*⁹. С долей скепсиса и подозрения отнеслись к интеллектуалу постмодернисты. «Интеллектуал эпохи постмодернизма, описанный Лиотаром, менее опасен. Он не верит, будто есть нечто великое, что требуется отстаивать, а если и было бы что-то подобное, то точно неизвестно, о чем именно идет речь. Он превращает реальность в дискурс, а потом подвергает дискурс анализу. Мишель Фуко объявил о смерти „универсалистов справедливости” в пользу „интеллектуалов конкретного”»¹⁰. Много внимания уделил социальному контексту интеллектуальной практики и П. Бурдьё в своих исследованиях символической деятельности. Он указывал, что те, кто делегирует интеллектуалам право формировать представление о действительности, не имеют возможности осуществлять критику, поскольку сама эта сфера монополизирована интеллектуалами. При этом Бурдьё подчеркивает подчиненную позицию интеллектуалов по отношению к господствующему классу¹¹.

Неомарксизм, социальный конструктивизм, постмодернизм оказали влияние не только на развитие общественной мысли в целом, но и на формирование и развитие национализмоведения. Современные исследователи пришли к общему консенсусу относительно современности наций, отвергая при этом претензии националистов на глубокую древность наций и их преемственность с народами античности¹². Как следствие, роль интеллектуалов в той или иной степени рассматривается всеми ведущими теоретиками проблемы национализма. «В каком-то смысле это общеизвестно. Все современные политические и социальные движения, — пишет Э. Смит, — нуждаются в хорошо образованных лидерах, если они хотят оказать какое-либо воздействие на мир, в котором светское образование, коммуникации и рациональный бюрократизм стали признаками современности»¹³.

Помимо общефилософских воззрений, на особенности видения каждым отдельным исследователем места и роли интеллектуалов в национальном процессе влияли (и влияют) такие факторы, как:

- область интересов автора;
- его научный профиль;
- методологические особенности подхода;
- понимание самого феномена интеллектуалов;
- конкретный эмпирический материал.

Особенности формулируемых в рамках исследований взаимоотношений интеллектуалов и национализма вопросов позволяют условно выделить в них три тематических блока — национальная идеология, национальные движения и национальная культура.

⁹ См., напр.: Лукач Г. Об ответственности интеллектуалов // Мониторинг общественного мнения. 2004. № 1 (69). С. 96–97; Арон Р. Опиум интеллектуалов // Логос. 2005. № 6 (51). С. 195–198.

¹⁰ Марина Х.А. Интеллектуалы и власть / Интеллектуалы и политика. М.: МШПИ, 2007. С. 48.

¹¹ См.: Кирчик О. Пьер Бурдьё / Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 315–317.

¹² См.: Kennedy M. D., Suny R. G. Introduction // Intellectuals and the Articulation of the Nation. University of Michigan Press, 1999. P. 1.

¹³ Смит Э. Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004. С. 113.

Интеллектуалы и национальная идеология

Среди крупнейших теоретиков национализма XX в. наиболее ранние работы принадлежат К. Хэйесу и Х. Кону. Труды этих исследователей во многом предопределили и предвосхитили развитие национализмоведения во второй половине XX в.¹⁴

Процесс формирования в массовом сознании националистической доктрины Хэйес связывает с *взаимодействием политической демократии, промышленной революции и философией романтизма*. Особое внимание Хэйес уделил функциональному сравнению национализма и религии. Исторически, отмечает Хэйес, отказ от народной религии с ее почитанием сверхъестественного сопровождался усилением политического культа. Так было в древности и Средневековье, однако особенный масштаб это процесс приобрел в XVIII в. под влиянием деятельности французских просветителей, отстаивавших идею замены религии государством.

Окончательное оформление национализма как политического культа происходит во время Великой французской революции, которая активно формирует новые символы и ритуалы, среди которых выделяется обожествление конституции. Главная задача интеллигенции при этом сводится к изобретению т.н. *специализированных культов национализма*, с целью привлечения к вере и поклонению национальному государству широких слоев населения. Одни интеллектуалы — «богословы» — занимаются созданием и трактовкой сакральных текстов (будь то Конституция, доктрина Монро или афоризмы Авраама Линкольна), другие — журналисты, публицисты и ораторы — доводят их до масс в концентрированном, упрощенном и эмоциональном виде. Таким образом формируются национальные священные места, парады, шествия и паломничества и т.п. В итоге, отмечает Хэйес, национальная теология интеллектуалов превращается в национальную мифологию масс¹⁵.

Хэйес дает универсальную периодизацию развития национальных движений, выделяя в них три этапа. Основным содержанием первого этапа, связанного с зарождением национализма, является разработка собственно национальной доктрины группой выдающихся интеллектуалов — филологов, историков, антропологов, экономистов, философов и литераторов. На втором этапе эту доктрину подхватывает группа энтузиастов, а на третьем — национальная идея овладевает широкими массами¹⁶.

С идеологической точки зрения подходил к проблеме национализма и Х. Кон, обращая внимание, однако, на то, что это не только «идея», но и повседневная практика¹⁷. В известном разделении национализма на западный и восточный он, в частности, обратил внимание на их отличие в социальной базе. Основу первого, по Кону, составляют буржуа, второго — аристократия и массы¹⁸.

¹⁴ См.: Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2004. С. 44–45.

¹⁵ См.: Hayes C.J. H. Nationalism as a Religion // Essays on Nationalism. New York: Macmillan, 1926. P. 110.

¹⁶ См., напр.: Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: РГГУ, 1999. С. 23–24; Lawrence P. Nationalism history and theory. Harlow, UK: Pearson Education, 2005. P. 86.

¹⁷ См.: Calhoun C. Nations Matter: Culture, History, and the Cosmopolitan Dream. New York: Routledge, 2007. P. 132–133.

¹⁸ См.: Ibid. P. 145.

Особенности трактовки национализма британского исследователя Э. Кедури во многом определяются тем, что он подходил к его изучению как историк политических учений¹⁹. С его точки зрения, национализм не обусловлен объективными процессами, в частности, распространением капитализма, а является во многом *случайным плодом интеллектуальной деятельности*, поэтому предсказать его распространение невозможно²⁰. Национализм как болезнь зародился на Западе и оттуда распространился по всей планете. Его идейные предпосылки Кедури связывает с идеей Канта искать нравственные законы вне природы. Наибольшее развитие доктрина национализма получила в трудах И. Гердера и И.-Г. Фихте, которые провозгласили культуру основой государства и рассматривали народы как органические явления, со своей исторической миссией.

В более поздней работе, посвященной распространению национализма в колониях, Кедури в качестве носителей национализма рассматривает получивших образование на западе местных интеллектуалов. Они служили колониальной администрации, перенимая соответствующую картину мира. В то же время сам факт, что индеец проникается английской культурой не означает, что он автоматически будет рассматриваться как английский джентльмен. На примере индийской интеллигенции Кедури показывает, как подражание западной культуре совмещалось с негодованием по поводу игнорирования со стороны колониальной администрации²¹. Кедури также подчеркивает большую дистанцию между элитой и пассивными и дезориентированными массами, для вовлечения которых в национальный процесс интеллектуалы придают национальным символам универсальные традиционные религиозные формы²².

В поздних редакциях ставшей классической монографии «Национализм» Кедури, приводя в пример многокультурную Трансильванию, делает важное замечание относительно ключевых факторов национализма, предостерегая тем самым от вульгаризации его теории: «Нелепо думать, что филологи и этнографы могут стать политиками и солдатами... Академические исследования ни на йоту не меняют возможностей правления, и делать вид, что это не так — лишь напускать туман там, где все кристально ясно»²³.

Социолог К. Дойч, известный как автор *коммуникативной теории национализма*, рассматривал нацию как группу с интенсивным информационным обменом²⁴. В более поздней работе «Рост наций» он представил более историчный взгляд на проблему, в котором уделил внимание *месту интеллектуалов в генезисе национализма*. В процессе развития нации Дойч отмечает этап, когда вместе с началом формирования группового сознания появляются «целеустремленные первопроходцы и лидеры национального пробуждения»²⁵. Среди интеллектуалов, обеспечивающих

¹⁹ См.: Кедури Э. Национализм. М.: Алетейя, 2010. С. 13.

²⁰ См.: Там же. С. 128–130.

²¹ См.: Kedourie E. Introduction // Nationalism in Asia and Africa. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. P. 84.

²² См.: Ibid. P. 91–94.

²³ Кедури Э. Указ. соч. С. 114.

²⁴ См.: Коротеева В.В. Указ. соч. С. 27–28.

²⁵ Дойч К. Рост наций / Этнос и политика. М.: УРАО, 2000. С. 74.

оформление национальных символов, Дойчем называются составители грамматик, фольклористы, антиквары, историки, организаторы школ, певческих коллективов, литературных, благотворительных и спортивных обществ.

Интеллектуалы и национальные движения

Развивая марксистскую традицию, шотландский исследователь Т. Нейрн рассматривает проблемы национализма в широком социально-экономическом контексте. По мере того как в Англии функция обеспечения политического единства переходит от государственной власти к среднему классу, важнейшей задачей национальных движений становится предоставление широким массам права участия в политической жизни. Интеллигенция выступает в качестве инструмента реализации этой стратегии²⁶. Том Нейрн не считает нации исключительно плодом интеллектуалов, хотя и признает важную роль этого социального слоя в сплочении сообществ. Свою задачу интеллектуалы видели в вовлечении масс в политику, предлагая взамен статус граждан, поэтому национальные движения неизменно приобретали популистский характер²⁷. Нейрну принадлежит известное высказывание: «Национальной интеллигенции, состоявшей из представителей среднего класса, нужно было пригласить широкие массы войти в ворота истории; при этом приглашение должно было быть написано на понятном языке»²⁸.

Нейрн связывает распространение национализма с неравномерным развитием, которое, в конце концов, приводит к колониализму. Мобилизация на национальной основе, по его словам, является реакцией на имперскую политику. Интеллектуалы периферии в ответ на внешнюю экспансию начинают апеллировать к естественным границам сообществ, в качестве которых выступают язык и образ жизни. При этом периферия понимается Нейрном не в узко колониальном смысле, а включает шотландцев, фламандцев, басков и т.п.²⁹. В частности, шотландская интеллигенция в условиях неравномерного развития не оказалась под внешним колониальным давлением, а сама (вместе с английской) выступала в отношениях неравенства в качестве центра. Соответственно выдающаяся шотландская интеллигенция до XX в. не выполняла мобилизующих функций национальных интеллектуалов, выступала в качестве «предателей», поскольку не оформились соответствующие предпосылки³⁰.

Чешский историк М. Хрох, отмечая ключевую роль интеллектуалов на стадии зарождения национального движения, во многом воспроизводит и развивает на материалах Восточной Европы периодизацию национализма, предложенную К. Хэйесом³¹. Важное место в его концепции отводится интеллектуалам и в процессе перехода национального движения на стадию политического проекта: если на этом этапе определенные группы

²⁶ См.: *Nairn T.* The Break-up of Britain. Altona, Vic.: Common Ground, 2003. P. 22.

²⁷ См.: *Ibid.* P. 41.

²⁸ *Ibid.* P. 328.

²⁹ См.: *Ibid.* P. 87–88.

³⁰ См.: *Ibid.* P. 105–106.

³¹ См.: *Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1985. P. 22–24.

интеллектуалов начинали проводить по-настоящему националистическую агитацию, то впоследствии это выводило национальное движение на качественно новый уровень³². С одной стороны, Хрох считает, что национальное движение не является процессом predetermined и необратимым, в некоторых случаях он может прерываться на долгое время. С другой, он обращает внимание на то, что нации не являются конструктом сугубо интеллектуалов, а являются *результатом исторического развития* Европы и имеют под собой объективные предпосылки³³.

Проведенный Хрохом сравнительный анализ национализма Центральной и Восточной Европы выявил существенный пробел, который касается «социальной физиогномики лидеров национальных движений — или в целом национальной интеллигенции в регионе». При этом Хрох подчеркивает важность, во-первых, понимания отличий интеллектуалов разных стран, во-вторых, изучения воззрений интеллектуалов, которые не были вовлечены в национальный процесс³⁴.

Американский историк Джон Бройи рассматривает национализм как *принципиально оппозиционное политическое движение*, направленное либо на обособление части государства, либо на преобразование существующего государства в его настоящих границах, либо на объединение политически разрозненных сообществ³⁵. С его точки зрения, национализм является результатом противоречий государства и гражданского общества. При этом Бройи отличает национальное движение от национальной идеологии, рассматривая их как общее и частное соответственно. Национальная идеология призвана легитимизировать, мобилизовывать и координировать социальные группы в их компании по борьбе с государством. Бройи критикует позиции авторов, рассматривающих национализм сугубо как идеологию: «Нетрудно показать, что не слишком целесообразно рассматривать националистическую политику как плод деятельности интеллигенций, а национальные чувства — как результат политических движений, обслуживающих националистические доктрины, как это зачастую делают подобные авторы. В националистической политике часто ведущая роль принадлежит иным группам, а возникновение национальных чувств следует увязывать с куда более сложным комплексом перемен, чем простое распространение доктрины от интеллектуалов-творцов к широким слоям населения»³⁶.

Бройи подробно анализирует социальную базу национального движения, характеризуя различные социальные группы традиционного общества, средний класс (бизнесмены и мелкая буржуазия), рабочих, крестьян и представителей свободных профессий с интеллектуалами. Бройи подчеркивает двойственное положение представителей свободных профессий, которые выполняют функцию посредников между государством и обществом. Обладая важными знаниями, они, с одной стороны, находятся вне контроля государства, с другой, активно привлекаются к

³² См.: Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / Нации и национализм. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 130.

³³ См.: там же. С. 122.

³⁴ См.: там же. С. 133.

³⁵ См.: Breuilly J. Nationalism and the State. 2-d ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993. P. 8–9.

³⁶ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма / Нации и национализм. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 202.

государственной службе. Имея хороший доход, навыки публичной деятельности и достаточное количество свободного времени, люди свободных профессий обладают потенциалом для занятий политической деятельностью. Тем не менее, многие из них заинтересованы в сохранении статус-кво и относятся к государству вполне лояльно.

Бройи выделяет два основных фактора распространения национально ориентированных интеллектуалов. С одной стороны, это неудачливость в профессиональной деятельности; с другой — чрезмерное количество интеллектуалов в обществе. Последнее наблюдается в случае, если численность выпускников вузов превышает количество соответствующих рабочих мест, а также при наличии искусственных ограничений для участия граждан в том или ином политическом сообществе превращающих общественного деятеля в изгоя³⁷. Бройи подчеркивает: «Да, националисты — интеллектуалы и политики — действительно монополизируют мифы и символы, унаследованные от прошлого, и вплетают их в свою аргументацию, призванную закреплять национальную идентичность и оправдывать национальные притязания. Однако крайне трудно соотнести степень их успеха с „объективной“ важностью таких мифов и символов»³⁸. Несмотря на то что большинство активистов, проповедующих идеи национализма, происходят из свободных профессий, сам по себе национализм не может рассматриваться как политика того или иного социального класса; его нельзя рассматривать и как политику исключительно интеллектуалов. Национализм утверждается только тогда, когда он становится *политически значимым для общества* и только став частью оппозиционного политического движения.

Обширный материал для изучения интеллектуалов дает постсоветское пространство. Известный российский социолог Л.М. Дробижева, осмысливая роль интеллигенции в национальном процессе, делает ряд интересных аналитических наблюдений. Она подчеркивает, что роль интеллектуалов в национальном процессе резко вырастает в переломные периоды. В то же время их значение не беспредельно и в основном проявляется на начальных этапах кризисов, когда они, выступая в качестве властителей умов, создают *мобилизующие идеологии*. В дальнейшем национализм развивается самостоятельно, и его конкретные формы определяются уже не деятельностью интеллектуалов, а логикой коллективного поведения, которому свойственны фрустрация и гиперпсихозы, блокирующие рациональные решения³⁹. Дробижева выделяет три группы интеллектуалов в зависимости от их функций в национальном процессе:

- ученые (формируют национальную идеологию);
- художественная интеллигенция (придает идеям эмоциональную силу и выразительность);
- журналисты и учителя (доводят идеи до широкой общественности)⁴⁰.

³⁷ См.: Бройи Дж. Указ. соч. С. 207.

³⁸ Breuilly J. Nationalism and the State. 2-d ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993. P. 48–51.

³⁹ См.: Дробижева Л.М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства / Этничность и власть в политических государствах / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1994. С. 72–75, 82.

⁴⁰ См.: там же. С. 80.

Интеллектуалы и национальная культура

Э. Геллнер, в отличие от своего коллеги и друга Кедури, считал национализм результатом естественного, объективного, исторического развития и выступал против позиции, согласно которой нации являются идеологической случайностью, исключительно результатом творчества Канта и Фихте⁴¹. В своей теории он рассматривает *национализм прежде всего как социально-историческое явление*, возникающее в результате смены аграрного общества индустриальным. Основными факторами национального государства, согласно Геллнеру, выступают развитие науки и технологий, всеобщая грамотность, мобильность населения, единая образовательная система, обеспечивающая стандартизированное массовое воспроизводство культуры⁴². По его словам: «У основания современного социального строя стоит не палач, а профессор. Не гильотина, а государственная докторская степень является основным инструментом и символом современной государственной власти. Монополия на законное образование сейчас важнее и существеннее, чем монополия на законное насилие»⁴³.

Итак, согласно Геллнеру, важнейшим фактором национализма является *хорошо оснащенный интеллектуальный аппарат*. Интеллектуалы обосновывают необходимость совокупности социальных процессов, без которых невозможно индустриальное общество. Они выполняют функции массового образования и высококвалифицированной рабочей силы, необходимые в современной системе разделения труда, и помогают создать культурную однородность: «При старом общественном порядке было невозможно и нежелательно иметь универсальное образование; в современном индустриальном обществе это необходимо. Основное предназначение и идентификация человека связаны теперь с письменной культурой, в которую он погружен и внутри которой способен успешно функционировать. Это — высокая культура, передаваемая не путем неформального общения с непосредственным окружением, а при помощи формального обучения. На мой взгляд, именно этот фактор лежит в основе современного национализма и определяет его силу»⁴⁴.

Ученик и один из оппонентов модернистской концепции Геллнера Энтони Смит также рассматривает национализм как социальное явление. Его истоки и распространение он связывает с политической централизацией, переходом к капитализму, созданием бюрократического государства и появлением массового образования. Эти процессы порождали слой буржуазии и тесно с ней связанной интеллигенции, которые в менее развитых странах противостояли аристократии и в конце концов унаследовали власть. «Монархи всегда стремились к религиозному конформизму, контролируя церковь и клир и освобождая государственную политику от церковных и традиционных ограничений. С этой целью они поощряли рост интеллигенции с классическим и светским образованием, но лояльной в первую очередь династии и государству и получавшей награды в виде бюрократических должностей. Через смуту социальных революций идентификация этого нового слоя с государством и контролируемым им территориальным доменом способствовала

⁴¹ См.: Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос 1991—2005. Избранное: В 2 т. Т. 1. М.: Территория будущего. С. 536.

⁴² См.: Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 93.

⁴³ Там же. С. 87.

⁴⁴ Там же. С. 7.

совмещению государства, территории и культурной общности»⁴⁵. Развитие современного «научного государства», под которым Смит понимает государство, способное использовать науку и технику в коллективных целях, провоцирует конкуренцию религиозной и рациональной легитимации, что приводит к кризису идентичности интеллектуалов. Столкнувшись с противоречиями нового гомогенизированного государства и традиционных религиозных ценностей, интеллигенция вынуждена выбирать из трех путей: традиционалистского, ассимиляционного и реформаторского. Первый подразумевает отрицание современного государства и возврат к теократическим моделям легитимации. Второй ведет к полной и окончательной модернизации (вестернизации) сначала элит, а затем и всего человечества. Третий заключается в попытке сочетания традиционных и современных установок легитимации. Национализм овладевает интеллигенцией, когда космополитические установки «ассимиляционистов», столкнувшись с действительностью, трансформируются в идеи этнического возрождения⁴⁶.

Национальный выбор позволяет людям *формировать индивидуальную идентичность на основе идентичности национальной*, что позволяет человеку становиться гражданином, полноправным членом политического сообщества и одновременно приобщаться к группе с особой культурой и исторической судьбой⁴⁷. Влияние интеллектуалов на национальные движения обусловлено внутренними свойствами самой категории интеллигенции — способностью формулировать идеологию, что в равной степени проявляется в любом политическом движении, а также общих потребностях успешных политических движений в навыках адвокатов, ораторов, пропагандистов и т.п.⁴⁸.

Смит, подчеркивая решающую роль интеллигенции как генератора идеологии и лидера националистического движения на его ранних стадиях, в то же время с большим скепсисом относится к ее роли после того, как это движение получает развитие.

Наиболее четко оригинальность позиции Смита проявляется в полемике с известным английским историком Э. Хобсбаумом и его «изобретенными традициями», которые понимаются как практики, формирующие актуальные ценности на основе произвольного обращения с историческим материалом⁴⁹. «Конечно верно, как подчеркивает Хобсбаум и его коллеги, что современные элиты и интеллектуалы сознательно отбирают и перерабатывают традиции таким образом, что появляющееся сегодня под старой вывеской весьма отличается от своего первоначального образа. В то же самое время отбор и переработка происходят в строгих рамках, и, я бы сказал, так и должно быть, чтобы „изобретенная традиция” была на „волне, на которую публика может настроиться”, по выражению Хобсбаума. Эти рамки определяются культурой — или культурами — данного народа: языком, законом, символами, воспоминаниями, мифами, традициями и т.д.»⁵⁰.

⁴⁵ Смит Э.Д. Образование наций / Этнос и политика. Москва: УРАО, 2000. С. 90.

⁴⁶ См.: Smith A.D. Theories of Nationalism. New York: Holmes & Meyer. 2nd ed. 1983. P. 241–246.

⁴⁷ См.: Smith A.D. National identity. Nevada: University of Nevada Press, 1991. P. 95.

⁴⁸ См.: там же. P. 97.

⁴⁹ См.: Hobsbawm E. Inventing Traditions // The Invention of Tradition / E. Hobsbawm and R. Terence (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 1–2.

⁵⁰ Смит Э.Д. / Национализм и модернизм. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2004. С. 242.

Последователь Э. Смита английский историк Дж. Хатчинсон различает политический и культурный национализм: первый стремится гарантировать обществу представительное государство; второй рассматривает нацию как особую цивилизацию с уникальной территорией, культурой и историей. Оба национализма, по Хатчинсону, являются следствием романтической революции, которая сформировала в среде интеллектуалов идеи о естественном разделении человечества на исторические сообщества, которые обладают самобытной культурой, уникальной, связанной с родной природой, сущностью⁵¹.

Особый интерес представляет роль интеллектуалов в процессе становления модернизированных государств (с начала XIX в.) и развития культурного национализма. Среди ключевых вопросов своего исследования Хатчинсон отмечает роль научной и культурной общественности в возрождении национальной истории и культуры; обстоятельства, при которых интеллектуалы трансформировали культурные проекты в экономические, политические и социальные программы; контекст, в котором адаптированные национальной интеллигенцией политические цели формулировались в антигосударственные задачи; условия, при которых интеллигенция могла реализовать эти программы с помощью государства⁵².

Проблему соотношения национализма и культуры поднимает и Б. Андерсон. В своей классической работе по теории национализма «Воображаемые сообщества» он подчеркивает роль интеллектуалов в функционировании не только национальной культурной системы, но и предшествующей ей средневековой религиозно-династической: «Удивительную власть папского престола в пору его наивысшего могущества можно понять лишь через существование трансевропейского ученого мира, пишущего на латыни, этакого представления о мире, разделяемого буквально каждым, согласно которому двуязычная интеллигенция, выполняющая роль посредника между разговорным языком и латынью, служила также посредником между землей и небом»⁵³.

Большое теоретическое значение имеет раскрытие Андерсоном социальной природы южноамериканского национализма. Административные ограничения карьерного роста, а также возможности территориальных перемещений приводили к ощущению общей для жителей испанской Америки «фатальности трансатлантического рождения»⁵⁴. Именно это сознание, свойственное креольским паломникам-функционерам и креольским печатникам, наряду с экономическими и идеологическими мотивами, окажет решающее влияние на формирование местного национализма⁵⁵.

Распространение национализма Андерсон связывает с появлением двуязычной колониальной интеллигенции: «Экспансия колониального государства, которое, так сказать, приглашало „коренных жителей“ в школы и офисы, и колониального капитализма, который, образно говоря, изгонял их из тех залов заседаний, где принимались решения, привела к тому, что первым главным глашатаем колониального национализма стала бесконечно одинокая двуязычная интеллигенция, не связанная союзом с крепкой местной буржуазией.

⁵¹ См.: *Hutchinson J.* Nations as a zones of conflict. London: SAGE, 2005. P. 45.

⁵² См.: *Hutchinson J.* The Dynamic of Cultural Nationalism. The Gaelic Revival and the Creation of the Irish National State. London, Sydney: Allen & Unwin, 1987. P. 5.

⁵³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 39.

⁵⁴ Там же. С. 80–81.

⁵⁵ См.: там же. С. 88.

Будучи, однако, интеллигенцией двуязычной и прежде всего интеллигенцией начала XX в., она в школьных классах и за их пределами имела доступ к тем моделям нации, национальности и национализма, которые выкристаллизовались из турбулентных и хаотичных опытов более чем вековой американской и европейской истории. Эти модели, в свою очередь, помогали придать форму тысячам рождающихся мечтаний»⁵⁶.

Методологической основой работы израильского исследователя Лии Гринфельд «Национализм. Пять путей модернизации» послужило веберовское понимание социальной реальности⁵⁷, что сближает ее позиции с пониманием национализма Э. Кедури. Роль интеллектуалов в национальном процессе определяется ей тем, что *распространение национализма сопровождается лексическими изменениями*. Общественная, политическая, культурная элита распространяет новую идентичность на массы, чем и определяется ее высокий статус в наше время⁵⁸.

Согласно Гринфельд, «изобретателями» национализма стали английские новые аристократы, а международное влияние Британской империи способствовало его распространению по планете. Особенности же усваивания национализма элитами других стран обуславливают и отличия путей модернизации. Современный мир создан в результате попыток интеллектуалов снять противоречия сословного общества, что, как считает Гринфельд, определяет и экономическое развитие. Интеллектуалы закладывают фундамент национального самосознания и обстоятельства, при которых это происходит, определяют характер национальной идентичности, которая остается неизменной»⁵⁹.

По мнению ученого, существует много общих черт в процессах формирования нового дворянства в Англии, России и Франции. Отличие Германии заключалось в том, что немецкую национальную идентичность формировали интеллектуалы — выходцы их среднего класса. В Америке интеллектуалы не имели того привилегированного положения, которым обладали интеллектуалы в Европе, этим и обуславливается качественное отличие американского национализма. «Интеллектуализм европейских элит частично можно объяснить тем, что они по большей степени состоят из интеллектуалов, а в Америке интеллектуалы-профессионалы (в отличие от людей, размышляющих в свое свободное время) сыграли менее значительную роль в руководстве обществом. В других обществах национальная идентичность была создана интеллектуалами, которые тщательно побеспокоились о том, чтобы в дальнейшем эту национальную идентичность ассоциировали с их высоким статусом внутри нации. В Америке же, наоборот, интеллектуалы-профессионалы как группа появились значительно позже национальной идентичности и поэтому не заняли центрального места в сознании своих соотечественников, каковое они (интеллектуалы) занимали в других странах»⁶⁰.

Израильский исследователь еврейского национализма Ш. Занд в своих рассуждениях о влиянии интеллектуалов на особенности национальных процессов опирается на труды А. Грамши и Э. Геллнера. Рассматривая источники национальной интеллигенции в разных странах, он пытается найти

⁵⁶ Там же. С. 159.

⁵⁷ См.: Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. С. 22.

⁵⁸ См.: там же. С. 26.

⁵⁹ См.: там же. С. 19, 464–465.

⁶⁰ Там же. С. 523.

объяснение отличиям между «западным» и «восточным» национализмами. В Британии государственный аппарат формировался новой низшей аристократией и торговой буржуазией; в США — сословием богатых фермеров и зажиточных горожан, во Франции — выходцами из торговой и финансовой буржуазии. В Германии же прусская королевская администрация состояла в основном из консервативных юнкеров. В России царский режим также набирал служащих из среды традиционной аристократии. Схожая ситуация была и в Польше. Анализируя эти различия, Занд приходит к выводу, что «массивное присутствие вырождающейся аристократии и ее приверженцев в качестве „новых интеллектуалов” в ядре государственных аппаратов стран Центральной и Восточной Европы, по всей видимости, повлияло на характер формирования будущей национальной идентичности»⁶¹. Ситуацию, как замечает сам Занд, портит Италия, где рано утвердился гражданский национализм, хотя государственный аппарат пополнялся за счет выходцев из аристократических семей. Занд делает осторожное предположение, что «этноцентрические тенденции в процессе становления итальянской идентичности были в значительной степени обузданы влиянием папской курии и насаждаемого ею во всех слоях общества (того самого общества, на базе которого будет формироваться итальянская бюрократия) католического универсализма»⁶².

* * *

На современном этапе быстро развивающиеся социально-экономические, политические, культурные процессы меняют конкретные формы, в которых проявляется национализм, меняется и общественное значение интеллектуалов. Геллнер, размышляя о судьбе национализма в постиндустриальную эпоху, выражает скепсис относительно перспектив появления под одной политической крышей политически значимых независимых культур. При этом он делает замечание относительно роли интеллектуалов: «Как ни странно, но именно интеллектуалы — основная движущая сила внутреннего национализма — в настоящее время в мире национальных государств с наибольшей легкостью, без предрассудков перемещаются между государствами, так же как это было в былые времена интернационального межгосударственного духовенства»⁶³.

М. Кеннеди и Р. Суни обращают внимание на *влияние на современных интеллектуалов коммерциализации*. В наше время невозможно донести свою позицию до общественности, не прибегая к средствам массовой информации, которые в свою очередь руководствуются коммерческими интересами. В то же время можно говорить об относительной автономии интеллектуалов, которые, обеспечив национальное государство необходимыми инструментами, теперь выполняют функции посредников в межкультурном взаимодействии⁶⁴. Л.М. Дробижева также обращает внимание на снижение роли интеллектуалов в общественной жизни, которое связано с объективной атомизацией общества⁶⁵.

⁶¹ Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ. М.: Эксмо, 2010. С. 129.

⁶² Там же. С. 129.

⁶³ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 245–247.

⁶⁴ См.: Kennedy M. D., Suny R. G. Introduction // Intellectuals and the Articulation of the Nation. University of Michigan Press, 1999. P. 22–25.

⁶⁵ См.: Дробижева Л.М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства / Этничность и власть в политических государствах / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1994. С. 84.

В рамках взаимоотношений интеллектуалов и национализма можно выделить четыре достаточно автономных междисциплинарных проблемных поля.

Во-первых, проблема *зарождения самой идеи нации*, т.е. создание самого национального дискурса — представлений о культурной группе как субъекте политики. Речь в данном случае должна идти не столько об интеллектуалах как социальной группе, сколько о конкретных мыслителях и философских школах, привнесших идеи, позволившие сформулировать концепт нации. В качестве примеров можно привести идею государственной политики Макиавелли, суверенитета Ж. Бодена, права народов Г. Гроций, общественно-го договора английских и французских просветителей, органицистский подход романтиков, прежде всего Гердера и т.д. Немецкий философ К. Хюбнер выводит истоки формирования идеи нации из Античности и рассматривает в этой связи политические теории Аристотеля и Платона⁶⁶.

Во-вторых, проблема интеллектуалов — основателей наций, *превративших идеи в политический проект*. Наиболее яркими фигурами являются деятели Великой французской революции или Рисорджименто. В России в качестве национальных первопроходцев рассматриваются М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, патриотические деятели начала XIX в., декабристы⁶⁷.

Если вслед за Ахмадом Садри⁶⁸ понимать под интеллектуалами группу, формирующую универсальные идеи, а под интеллигенцией группу, эксплуатирующую эти идеи, в т.ч. и адаптирующую их под национальные особенности, то в рамках первой обозначенной проблемы уместнее употреблять понятие «интеллектуалы», в рамках второй — «интеллигенция».

В-третьих, проблема *формирования национальных интеллектуалов третьего мира*. Для российской историографии эта тема актуальна в связи с вопросами формирования национальной интеллигенции сначала на окраинах Российской империи, затем под пристальной опекой Советского государства и, наконец, в связи с масштабной национальной суверенизацией постсоветского пространства⁶⁹.

В-четвертых, проблема роли интеллектуалов *как социальной группы*, которая обеспечивает воспроизводство национального чувства. Принципиальное значение в данном случае будет иметь исторический подход: учет социально-политического, экономического и культурного контекста конкретного времени и места.

⁶⁶ См.: Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон, 2001. С. 8–11.

⁶⁷ См., напр.: Миллер А. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 160; Тишков В.А. Российская нация и ее критики / Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. С. 566–570; Этнический и религиозный факторы формирования и эволюции российского государства / под ред. Т.Ю. Красовецкой, В.А. Тишкова. М.: Новый хронограф, 2012. С. 102–151; Минаков А.Ю. Русская партия в первой четверти XIX века. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 19–76.

⁶⁸ См.: Sadri A. Max Weber's Sociology of Intellectuals. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 72–73.

⁶⁹ См., напр.: Тишков В.А. Очерки теории и политики в России. М.: Русский мир, 1997. С. 199–223; Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 7–39; 531–570.